ХРОНОТОП В СБОРНИКЕ «ТРИ СКАЗКИ» УМБЕРТО ЭКО

О. Ю. Песенко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

nicolamagic7@gmail.com;

науч. рук. – Е. С. Гинак, старший преподаватель

В статье рассматриваются особенности хронотопа в сборнике Умберто Эко (Umberto Eco 1932 – 2016) «Три сказки» (*Tre racconti*, 2004), созданном в сотрудничестве с художником-иллюстратором Эудженио Карми (Eugenio Carmi, 1920 – 2016). Выявлены традиционные для сказки черты хронотопа, как например мотив путешествия, условность времени и пространства, мотив испытания. Найдены специфические элементы: внутренний хронотоп, открытый финал, нарушения установленных композиционных законов сказки, которые определяют уникальность Умберто Эко как автора-сказочника. Определена основная проблематика произведений и потенциал жанра сказки для выражения в иносказательной форме актуальных проблем человечества.

Ключевые слова: хронотоп; Умберто Эко; сказка; авторская сказка; итальянская литература; итальянская проза XX века.

Хронотоп – это понятие, введенное русским литературоведом Михаилом Бахтиным (1895 – 1975), которое определяет взаимосвязь времени и пространства в литературном произведении. В исследовании «Формы времени и хронотопа в романе» ученый утверждает, что именно хронотоп строит мир, в котором развивается сюжет, он объединяет в единое целое художественный текст, образ человека в литературе, его действия [1]. *Позднее теорией хронотопа занимались Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров и другие.* Несмотря на определенные различия во взглядах на значение времени и пространства, литературный хронотоп для исследователей является своеобразной осью, на которой строится сюжет произведения.

В сказках, будь то волшебных или авторских, хронотоп играет одну из важнейших ролей для формирования сюжета и системы персонажей. Одним из основных компонентов в сказках выступает мотив пути или путешествия, представляющий жизненный путь главного героя. Это путешествие – не просто перемещение в пространстве, но и символическое преодоление героем препятствий и вызовов для достижения конечной цели.

Исследователи выделяют некоторые основные признаки сказочного хронотопа: основополагающая роль пространства в картине мира сказки, его реальный или фантастический характер; наличие поворотных звеньев, которые являются проверкой главного героя на нравственные качества (хронотоп испытания); мотив пути и связанный с ним мотив случайной встречи с передачей волшебного средства [5]; закон хронологической несовместимости, то есть существование только одной линии повествования, связанной с главным героем [3]; «замкнутость» хронотопа [4]. Такие характеристики хронотопа фольклорной сказки во многом аналогичны литературной и авторской сказке. Мы находим традиционные элементы в основе современных текстов, наблюдая их нарушения или трансформации. К примеру, пространство авторской сказки обычно приближено к реальному, но

из-за наличия в нём необычных событий или персонажей остаётся условным. К тому же исследователи отмечают в авторской сказке существование «психологического пространства» [2] за счёт всё большего наличия у героев индивидуалистических черт характера.

В нашей работе мы обратимся к Умберто Эко (Umberto Eco, 1932 – 2016), известнейшему итальянскому учёному-семиотику и писателю, сказки которого отличаются отсутствием привычных для читателя образов, героев и тематических доминант, аёт нам возможность показать новаторство писателя даже в таком знакомом жанре. Объект нашего исследования – сборник, состоящий из трёх сказок Умберто Эко, под названием *Tre racconti* (2004) (в русском переводе М. Визеля — «Три сказки»): «Бомба и генерал» (*La bomba e il generale*) и «Три космонавта» (*I tre cosmonauti*), опубликованные в 1966 году, и «Гномы Гну» (*Gli Gnomi di Gnù*, 1992).

Первая и вторая страницы «Бомбы и генерала» начинаются типичным сказочным зачином: «С'era una volta un atomo» [7, p. 6] («Жил да был один атом» [6, с. 6]) и «E c'era una volta un generale cattivo...» [7, p. 8] («Жил да был злой генерал...» [6, с. 8]). На этих двух страницах автор вводит главных героев сказки, сразу давая понять о присутствии двух точек зрения на события в этом тексте: атома и генерала. Начало третьей страницы сказки включает в себя элемент объяснения физического устройства окружающего мира: «Il mondo è pieno di atomi» [7, p. 10] («В мире полно атомов» [6, с. 10]).

Исходная ситуация описывается следующим образом: «Gli atomi chiusi nelle bombe erano tristi» [7, p. 18] («Атомы, запертые в бомбах, сильно грустили» [6, с. 18]), поэтому они решаются сбежать из неё и спуститься с чердака, на котором лежала бомба, в подвал. Этот протест мы можем назвать проверкой героев сказки на нравственные качества. Так, с точки зрения атомов пространство представляется нам замкнутым и конкретным, ограниченным внутренностью бомбы, лежащей на чердаке, и подвалом. К тому же, тот факт, что нам сообщается психологическое состояние атомов, намекает нам на наличие внутреннего хронотопа в сказке.

С точки зрения генерала, пространство художественного мира условно: мы не знаем, в какой стране он «служит», тем более что образ генерала – собирательный. Абстрактны и города, на которые он собрался сбрасывать бомбы: «Tutti fuggivano dalle città» [7, p. 28] («Все выбежали из городов» [6, с. 28]).

Время в сказке условное, хотя мы можем привязать его к реальности прошлого или настоящего. Сказка держит читателя в нервном напряжении: прикажет ли генерал сбросить бомбу? И генерал, и атомы находятся в состоянии ожидания: первый «riempiva di bombe il suo solaio» [7, p. 16] («складывал бомбы на чердаке» [6, с. 16]) и ждал, когда сможет устроить войну, а атом «aspettava il giorno» [7, p. 14] («ожидал часа» [6, с. 14]), когда будет расщеплён вместе с другими. Тем не менее сюжет довольно динамичный за счёт использования указателей смены событий (*так вот, вот и, и тогда, однажды ночью, на следующее утро, когда стало известно* и т. п.).

Таким образом, в этой сказке мы наблюдаем точки зрения двух героев, то есть нарушение закона хронологической несовместимости. Заметен намёк на перемещение героя в пространстве (атомы сбегают из бомбы) и связанные с ним хронотоп испытания и внутренний хронотоп. Как пространство, так и время здесь, в целом, условно. В конце автор оставляет открытый финал, тем самым не замыкая хронотоп, давая потенциал для продолжения истории.

Время и пространство второй сказки «Три космонавта» также условны – вероятно, действие происходит в будущем. Зачин «*C'era una volta la terra. E c'era una volta Marte. Stavano molto distanti l'uno dall'altra, in mezzo al cielo e intorno c'erano milioni di pianeti e di galassie*» [7, p. 42] («Жила-была Земля. И жил-был Марс. Они находились очень далеко друг от друга, посреди неба, окруженные миллионами других планет» [6, с. 42]) содержит противопоставление двух миров: Земли и неизведанных планет космоса. Акцент делается на важности далёкого межзвёздного пространства, которое шаг за шагом изучали люди: «*Volevano conquistare le stelle in modo che un giorno tutti potessero viaggiare da un pianeta all'altro*» [7, p. 48] («Они мечтали о звёздах и о том, чтобы люди когда-нибудь начали путешествовать с одной планеты на другую» [6, с. 48]).

Начало действия знаменует отправка в космос космонавтов из разных стран, сидящих каждый в своей ракете: «*Un bel mattino partirono dalla terra tre razzi*» [7, p. 50] («В один прекрасный день из трёх разных мест Земли стартовали три ракеты» [6, с. 50]). Во время полёта на Марс космонавты испытывают вражду друг к другу. Но в первую ночь после того, как «*arrivarono su Marte quasi nello stesso momento*» [7, p. 54] («прибыли на Марс почти одновременно» [6, с. 54]), «*i cosmonauti si sentivano tristi e sperduti*» [7, p. 60] («космонавты чувствовали себя потерянными и несчастными» [6, с. 60]). Всеобщая тоска по дому сплотила их. Так, мы снова можем говорить о внутреннем хронотопе сказки, учитывая погружение в душевные переживания героев.

Перед нами появляется конкретное описание Марса: «*Trovarono un paesaggio meraviglioso e inquietante: il terreno era solcato da lunghi canali pieni d'acqua color verde smeraldo. C'erano strani alberi blu con uccelli mai visti, dalle piume di colore stranissimo. All'orizzonte si vedevano montagne rosse che mandavano strani bagliori*» [7, pp. 56 – 58] («и [космонавты] увидели необыкновенный и завораживающий пейзаж: почву, изборозждённую длинными каналами, наполненными водой изумрудного цвета, и странные голубые деревья, на которых сидели невиданные птицы с пёстрым оперением. На горизонте высились красные горы, от которых исходило тревожное мерцание» [6, с. 56 – 58]). Тем не менее это место всё равно остаётся условным, потому что возникший пейзаж нереален.

В этом тексте сборника космонавты на своём пути предстают перед нравственным испытанием – убивать или не убивать марсианина. Не совершить ошибку им помогает марсианская птичка, рассеявшая враждебные замыслы людей.

Таким образом, «Три космонавта» показывает не только концептуальный, но и внутренний хронотоп, а также хронотоп испытания. Время и пространство сказки условны (даже при наличии похожего на реальное описание ландшафта Марса), огромны и не замкнуты – перед нами безграничные просторы космоса и неизвестное будущее. Читатель снова остаётся с открытым финалом: вернутся ли космонавты обратно на Землю, и возьмут ли они с собой новоиспечённого друга с другой планеты?

Сюжет следующей сказки «Гномы Гну» также основан на желании персонажей открыть новые пространства за пределами земного шара. Время в сказке – предполагаемое будущее – максимально условно, ведь даже автор сомневается, жив ли правитель до сих пор: «*C'era una volta sulla Terra – e forse c'è ancora adesso – un potente Imperatore che voleva assolutamente scoprire nuove terre*» [7, р. 78] («Правил некогда на Земле — а может, правит и до сих пор — могущественный Император, которому во что бы то ни стало хотелось открывать новые земли» [6, с. 78]). Императору принадлежит вся земля, поэтому он приказывает отправить в космос Галактического Исследователя: «*Ed ecco che l'Esploratore Galattico (EG per gli amici) da tempo vagava per lo spazio immenso alla ricerca di uno straccio di pianeta da civilizzare*» [7, р. 82] («И Галактический Исследователь (друзья звали его просто ГИ) стал бороздить бескрайние космические просторы в поисках хоть какой-нибудь заваленной планеты, чтобы утвердить на ней цивилизацию» [6, с. 82]). По прошествии неопределённого количества времени ГИ находит обитаемую планету «*proprio nell'angolino più dimenticato di tutta la Galassia*» [7, р. 84] («в самом укромном уголке всей галактики» [6, с. 84]). Следом идёт описание этого места: «*Un pianetino grazioso, con un cielo azzurro appena spruzzato di pochi fiocchi di nuvole bianche, con valli e foreste di un verde che faceva piacere a guardarlo*» [7, р. 84] («Она была прелестна: голубое небо, едва оттенённое лёгкие облачками; зелёные леса и долины, один взгляд на которые приносил удовольствие» [6, с. 84]).

Космическое пространство опять представлено нам, естественно, необъятным, однако далее диалоги ГИ и гномов Гну сфокусированы на планете Земля: «*“Che macchina! Che tecnica!” dicevano gli gnomi ammirati di fronte al megatelescopio megagalattico, e a turno ciascuno di loro guardò verso la Terra*» [7, р. 90] («“Ух ты! Вот это штукация!” — зашептали гномы. Потом подошли к сверхгалактическому сверхтелескопу и принялись по очереди разглядывать Землю» [6, с. 90]).

Перед их взором открывается вид на город, море, сельскую местность и дороги на Земле, но каждый из показанных ландшафтов находится в ужасном состоянии. Город покрыт смогом, в море плавают отходы и нефть, деревья вырублены, а на дорогах – сплошные пробки и покалеченные люди. После увиденного гномы боятся, что погубят прекрасную природу их родной планеты, если позволят обосновать здесь человеческую цивилизацию: «*Forse la vostra civiltà ha degli aspetti molto interessanti, ma se la portate qui noi non avremmo più i nostri prati, i nostri alberi, i nostri fiumi, e staremmo un po' peggio*» [7, р. 100] («Может быть, эта ваша цивилизация таит в себе много интересного,

но если вы утвердите её здесь, мы лишимся наших лугов, наших деревьев, наших рек, и станем жить намного хуже» [6, с. 100]).

ГИ вернулся на Землю, то есть в отправную точку, с предложением гномов прилететь к нам и навести порядок. Но читатели не знают, чем на самом деле закончилось путешествие на планету гномов Гну: «Per il momento la nostra storia finisce qui, e ci dispiace di non poter dire che da allora tutti vissero felici e contenti. E chissà se gli gnomi di Gnù li lasceranno venire da noi» [7, p. 110] («Здесь наша история заканчивается. К сожалению, мы не можем утверждать, что все жили долго и счастливо. Трудно сказать, доберутся ли до нас когда-нибудь гномы Гну» [6, с. 110]). Сказка не разрешается типичным для неё счастливым концом, и хронотоп не замыкается.

Пространство и время в этом тексте условны и при этом дискретны: повествователь то предлагает читателю бороздить космическое пространство, то переносит его на чужую планету, то присматривается к происходящим событиям на Земле. Пройденный ГИ путь на практике ничем не заканчивается – финал открыт, однако подчеркнут риторическим вопросом, побуждающим к переосмыслению актуальной ситуации на планете: «Ma se anche non venissero, perché non ci mettiamo noi a fare quello che avrebbero fatto gli gnomi di Gnù?» [7, p. 110] («Но если [гномы] не доберутся — что мешает нам самим сделать всё то, что собирались сделать они?» [6, с. 110]).

После проведённого нами анализа построения произведений, созданных Умберто Эко, стало понятно, что пространственно-временные и композиционные структуры, выбранные писателем, служат для раскрытия волнующих автора проблем. По окончании каждого из текстов он артикулирует вывод-мораль, высказывая его прямо, либо через риторический вопрос.

«Бомба и генерал», очевидно, содержит аллюзию на непрекращающуюся враждебную и беспокойную политическую ситуацию, восходящую к холодной войне, с её угрозой ядерной атаки, стараясь донести до читателя то, как важен мир на Земле: «Tutti scoprirono così che la vita era più bella senza le bombe» [7, p. 32] («И тогда все поняли: жить без бомб гораздо лучше» [6, с. 32]).

Идея «Трёх космонавтов», заключается в том, чтобы показать важность своевременности и правильности коммуникации, толерантности, несмотря на различия разного рода: «Avevano capito che sulla Terra, come su gli altri pianeti, ciascuno ha i propri gusti, ma è solo una questione di capirsi a vicenda» [7, p. 74] («Они поняли, что на других планетах, как и на Земле, у каждого свой вкус, и это просто-напросто надо принимать как есть» [6, с. 74]). Здесь также прослеживается намёк на острую демографическую проблему перенаселения, которая и подталкивает на далёкое путешествие космонавтов: «Volevano conquistare le stelle in modo che un giorno tutti potessero viaggiare da un pianeta all'altro perché la terra era diventata troppo stretta e gli uomini crescevano di giorno in giorno» [7, p. 48] («Они мечтали о звёздах и о том, чтобы люди когда-нибудь начали путешествовать с одной планеты на другую, потому что на Земле слишком тесно и людей становится всё больше и больше» [6, с. 48]).

«Гномы Гну», написанные позже всего, уже в девяностых годах прошлого века, отражают сложившуюся экологическую ситуацию на нашей планете, и, кроме того, ряд социальных проблем, как например употребление наркотиков и автомобильные катастрофы. Гномы Гну предлагают человечеству помощь в улучшении плачевного состояния земной цивилизации: «E poi noi siamo bravissimi a tenere in ordine i prati e i giardini, a piantare alberi nuovi e a curare quelli vecchi che stanno per cadere, ci mettiamo a raccogliere tutta quella plastica e tutti quei barattoli e diamo una sistemata alle vostre valli: facciamo dei filtri di foglie per le vostre ciminiere, spieghiamo alla gente della Terra come è bello passeggiare senza dover sempre prendere l'automobile, eccetera eccetera, e magari dopo qualche anno la vostra Terra diventa bella come Gnù» [7, p. 104] («...мы очень хорошо умеем возделывать поля и сады, сажать новые деревья и ухаживать за старыми. Мы можем собрать все эти пластиковые пакеты и банки и проследить за вашими лугами. Ещё мы можем сделать из листьев фильтры для ваших дымовых труб и объяснить землянам, как здорово ходить пешком, а не быть постоянно привязанными к автомобилям, и ещё много чего можем сделать. И тогда, может быть, через несколько лет ваша Земля станет такой же прекрасной, как Гну» [6, с. 104]).

Логично, что для достижения эффекта острашения, автор выносит действия в далёкое пространство за пределами земного шара – в космос и на другие планеты, чтобы показать со стороны, каким стало человечество, и условия, в которых оно функционирует, а время направляет в потенциальное будущее, чтобы предупредить об опасности такого положения. Так, сказки сборника приобретают аллегорический характер.

Взяв во внимание рассмотренный материал, мы пришли к следующим выводам. Время во всех трёх сказках условно, не привязано к реальности, хотя мы можем предположить, что действия имеют место в потенциальном будущем. В первом тексте сборника оно обладает чертами, отличающими его от других сказок: оно наиболее приближено к действительности и держит читателя в волнующем ожидании. Пространство в сказках условно, в основном открыто, так как связано с космическими путешествиями (ограничено оно только для атомов в «Бомбе и генерале»). «Бомба и генерал» и «Три космонавта» содержат в себе внутренний хронотоп и хронотоп испытания помимо традиционного жанрообразующего. Умберто Эко заканчивает каждую сказку открытым финалом, не замыкая хронотоп, давая тем самым читателю повод либо додумать историю самому, либо сформировать собственное отношение к её центральной проблеме.

В текстах сказок аллегорически отражены социально-политические проблемы человечества, такие как использование ядерного оружия, трудности межнационального общения, а также вопрос перенаселения планеты и её экологического состояния. На них У. Эко акцентирует внимание при помощи мастерского пространственно-временного и сюжетно-композиционного построения текстов.

Библиографические ссылки

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : «Худож. лит.», 1975.
2. Екабсонс, А. В. Концепция времени и пространства в современном литературоведении / А. В. Екабсонс // Multidisciplinary Scientific Journal. – Volume 3, Issue 3. – 2022. – P. 375–391.
3. Ивашнева, Л. Л. Закон хронологической несовместимости в волшебной сказке / Л. Л. Ивашнева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – №7. – Ч. 2. – С. 22–25.
4. Нагорная, О. В. К вопросу о поэтике литературной сказки (в сопоставлении с поэтикой фольклорной сказки) / О. В. Нагорная // Вектор науки ТГУ. – 2011. – №3. – С. 116–121.
5. Пропп, В. Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) / В. Я. Пропп. – М. : «Лабиринт», 1998. – С. 5–111.
6. Эко, У. Три сказки / У. Эко, Э. Карми. – М. : ОГИ, 2013. – 112 с.
7. Carmi, E. Tre racconti / E. Carmi, U. Eco. – Milano, Bompiani. – 2004. – 110 p.